

ZOLTÁN HAJNÁDY

Душан Маковицкий – посредник венгерской культуры в Ясной Поляне (Лев Толстой накануне нового тысячелетия)

Современен ли Толстой в XXI веке, будут ли читать его произведения в новом тысячелетии? Вопрос своевременен хотя бы потому, что уже в недавно прошедшем веке стали появляться мнения, по которым его учение о любви и иллюзии по поводу переустройства христианской нравственности и культуры относятся к области утопий. По мнению французской писательницы Натали Саррот (Nathalie Sarraute), отдельные произведения Толстого слишком „гладки, закруглены, в них нет ничего устрашающего”.¹ Мнение представительницы *nouveau roman* разделял и Альберто Моравиа (Alberto Moravia), по словам которого искусство Толстого кажется слишком гармоничным и умиротворяющим. Писатель сравнивает Толстого с Рафаэлем, которому католическая церковь доверила „свою иконографическую пропаганду”. Генрих Бёлль (Heinrich Böll) считал, что *Война и мир* – „повествование, насыщенное драматизмом, завершается ужасно нормально, чуть ли не идиллически”.² В этих мнениях отражается душевный синдром пережившего две мировые войны и холокост читателя, который с сомнением принимает все попытки писателя по художественному синтезированию надвое расколотого мира. Можно привести и противоположные мнения. Роже Мартен дю Гар (Roger Martin du Gard): в произведениях Толстого всегда присутствует „не только и не столько исследование человека, сколько тревожное вопрошание о смысле жизни”.³ Андре Моруа (André Maurois) же пишет в 1960 году о том, что у Толстого было все, что сегодня объявляется новинкой: чувство отчуждения и одиночества, влечение к подсознательным, тайным душевным процессам. В книге *Бытие и время* Хейдеггер (Heidegger) тоже намекает на то, что у Толстого мы можем найти экзистенциальные спазмы и боязнь смерти.

¹ *Les lettres française* № 842, 22–28. IX. 1960.

² Heinrich Böll, *Annäherungsversuch*. In: Leo Tolstoi, *Krieg und Frieden*. München, 1970: 1579.

³ Роже Мартен дю Гар 1965, Речь при вручении ему Нобелевской премии. *Литературное наследство* 75, кн. 1. Москва, 167–168.

„Толстой в *Смерти Ивана Ильича* изобразил явление распада формулы потрясения и „человек умер“.”⁴

Вокруг Толстого сегодня тишина. Достоевский, как обновитель романа, имеет большее художественное влияние. Все же вопросы, намекающие на актуальность Толстого, видятся анахронистичными. В голову приходит ответ Островского Толстому, когда тот отправил ему комедию *Зараженное семейство* с просьбой как бы поскорее поставить ее на Московском театре: „Куда торопиться, поставь лучше на будущий год”. На что Толстой: „Нет, мне бы хотелось теперь, потому что комедия очень современна и к будущему году не будет иметь того успеха”. Островский с некоторой иронией ответил на это: „Ты боишься, что скоро очень поумнеют?”⁵

Вполне возможно, что читатель нового тысячелетия по-иному оценит потом произведения Толстого, по-иному расставит акценты. Жить – значит изменяться, и этот закон относится в полной мере и к рецепции произведений искусств. Печатный текст остается неизменным, но его толкование коренным образом может измениться, и все менее напоминает то, что воспринимали современники и следующее за ним поколение. Ни одна из строк Гомера, Данте и Шекспира (Homeros, Dante, Shakespeare) не читается нами сегодня так, как во времена их появления. Новые поколения будут вдохновляться другими идеалами, будут использовать иные коды для расшифровки тех мыслей, которые писатели вложили в свои произведения.

Все искусство Толстого и его нравственная философия зиждется на Евангелии. За две тысячи лет Евангелие не утратило своей силы, поэтому и учение Толстого, возможно, останется еще надолго. Временами вполне возможна и допустима переакцентировка его творчества. Наступившему веку так же необходим будет Толстой, его творчество и нравственная философия, потому что проблемы, волнующие XIX и XX века, поныне не утратили своей злободневности: расовая ненависть и неприязнь чужеродного, этнические и религиозные войны, национальные и языковые проблемы, вопросы земельной и частной собственности, взаимоотношения государства и церкви, роль искусства и науки, женский вопрос, семейное и детское воспитание, вредное влияние промышленной цивилизации на окружающую среду и т.д. Толстой относится к тем немногочисленным писателям, которые сохраняют свое значение и в новом тысячелетии. Его величие возрастает со временем.

⁴ Martin Heidegger, *Sein und Zeit*. Frankfurt am Main, 1977: 337: „L. N. Tolstoj hat in seiner Erzählung *Der Tod des Iwan Iljitsch* das Phänomen der Erschütterung und des Zusammenbruchs, dieses ‘man stirbt’, dargestellt.”

⁵ Л.Н. Толстой, *Собрание сочинений в 22 томах. Том 17–18*. Москва, 1984: 638.

К творчеству великого художника относится не только написанное и изданное, но и его устные изречения. Историки литературы имеют дело в основном с первым, реконструкция и изучение последнего является не менее важной задачей. Авторитет письменного языка надолго оттеснил на задний план исследование того гигантского культурного пласта, из которого выросли дневники, хроники, биографии и воспоминания. Эти жанры характеризуют откровенные, задушевные, часто переступающие конвенции интонации, которые весьма редки в предназначенных для публикации текстах. Они позволяют заглянуть не только в личность писателя, но являются и чрезвычайно важными историческими документами. Это – бесценные источники манеры поведения, мира искусства и культуры тогдашней эпохи.

Чехов однажды заметил Горькому с сожалением: „Вот за Геге каждое слово записывалось, а мысли Толстого теряются в воздухе. Это, батенька, нестерпимо по-русски. После схватятся за ум, начнут писать воспоминания и – наврут“.⁶ По мнению Толстого, человеку излишне волноваться из-за того, что теряются его ценные мысли. Ни Сократ, ни Христос, ни Будда не записали ни одного слова на бумагу, а вот учения их все же остались. Беспокойство Чехова неуместно уже потому, что в непосредственном окружении Толстого девять человек регулярно вели дневники: жена, дочери, учителя его детей и секретари. (Естественно и сам Толстой в течение почти полувека: его дневники составили 17 солидных томов.) И самым усердным среди них был Душан Маковицкий (Dušan Makovičský), врач, словак по национальности, родившийся в Австро-Венгрии и прекрасно владевший венгерским языком. Его дневник *У Толстого (1904–1910). Яснополянские записки*⁷ с протокольной достоверностью освещает последние шесть лет жизни писателя. Двухтомник избранных записок Маковицкого на русском языке вышел в свет только после его смерти, в 1923–24 гг., благодаря стараниям Николая Гусева, бывшего секретаря Толстого. Полное же четырехтомное издание было осуществлено только в 1979–1981 гг. объединенными международными усилиями, поскольку текст содержал записи на русском, словацком, немецком, венгерском и других языках.

Толстой не любил, когда за ним записывали, поэтому Маковицкий, Гольденвейзер и другие прибегали к такой уловке: украдкой записывали отрывком карандаша на заранее приготовленных и рассованных по карманам картонных карточках самое существенное („Schlagwort“). „За-

⁶ М. Горький, *Собрание сочинений. Том 14*. Москва, 1951: 281.

⁷ У Толстого (1904–1910). „Яснополянские записки“ Д.П. Маковицкого. *Литературное наследство. Том 90 в 4 книгах с указателями*. Москва, 1979–1981. (Все ссылки на это издание в тексте, с указанием тома и страницы.)

писывал я иногда по памяти, иногда же во время разговоров старался незаметно записывать все, каких успевал, отдельные выражения и целые мысли, сказанные Л.Н. Когда расходились спать, я садился за переписывание того, что в течение дня записал на листках, стараясь по этим записям восстановить нить разговора. К сожалению, довольно часто я не успевал переписать все в ту же ночь: или бывал нездоров, или очень усталый и переписывал на второй или на третий день, я многого не мог уже вспомнить. [...] За шесть лет ни разу не перечитал, не дополнял и не исправлял записанного” (1: 89).

До Пушкина устный язык приравнивался к нормам письменного: говорили, как писали. После Пушкина писатели стремились писать так, как говорили. Во времена Толстого разница между русским письменным и разговорным языками почти снизошла уже на нет. Все же многочисленные душевниковые записи Маковицкого свидетельствуют о том, что напрасно фиксировал он по свежей памяти слова Толстого: записанные предложения составляли пропасть между глазом и ухом, визуальным и аудитивным знаковыми системами языка. Графика букв не в состоянии передать вырывающиеся из восхищения миром личные изумления и удивления, которыми были пропитаны слова Толстого. В ходе графического закрепления живая речь коченсеет, остывает, мумифицируется. Когда Маковицкий вечерами в своей комнате вынимал исписанные карточки и пытался реконструировать диалоги, то чувствовал, что неспособен вызвать к жизни *ex abrupto* высказанные слова так, чтобы те передали жар интонации, ее захватывающую силу, живую связь звука и уха. Потому-то Маковицкий как честный свидетель и стенографист предупреждает читателя: „Толстой так не говорит, как я записываю. Он выражается кратко, сильно, ни одного лишнего слова; слово соответствует представлению. Никто не говорит так определенно, как он” (1: 89). Маковицкий был прекрасным наблюдателем: хотя и не обладал образованностью и тонкостью стиля Эккерманна (Eckermann), в большинстве случаев ему все же удавалось чувственно передать жесты и выражение лиц беседующих, звучание их голосов, то есть: артикулированное живое слово, глубже – нежели письменное слово – проникающее в подтекст, в *sublingua* и тем самым отражающее широкий спектр оттенков трепета души.

Душан Маковицкий (Dušan Makovičský) родился в 1866 году в многонациональной и многоязычной Австро-Венгрии в городе Рожавехде (Rózsahegy, сегодня Ružomberok, Словакия), куда и вернулся после смерти Толстого вместе с привезенной из Ясной Поляны русской женой. В 1921 году в возрасте 55 лет покончил жизнь самоубийством. Среднюю школу он закончил в Венгрии в Надькёрёше (Nagykőrös) и Шопроне (Sopron), за-

тем сдал экзамены на аттестат зрелости в Кежмарке (Késmárk, сегодня Kežmarok, Словакия). Наряду с немецкими классическими поэтами большое влияние на него оказали венгерские поэты, о чем свидетельствуют следующие слова: „Энергичность, решительность и темперамент венгров очень мне импонировали”. Своё образование он продолжил на медицинском факультете Пражского университета, где на всю жизнь подружился с Альбертом Шкарваном (Albert Škarvan). Друзья примкнули к словацкому славянофильскому движению в надежде добиться независимости своей родины с помощью русского царя. Они стали сторонниками Томаша Масарика (Tomaš Masaryk), осуществляющего кампанию против Австро-Венгерской Монархии за независимость и единство чехов и словаков. Разочаровавшись позднее в политических движениях, они перенесли акцент на нравственное обновление, вследствие чего приблизились к Толстому: переводили его произведения, искали возможности личной с ним связи. Под влиянием толстовских идей Маковицкий отказался от военной службы, за что его осудили на четыре месяца тюрьмы, и лишили медицинской практики. Впервые Маковицкий посетил Ясную Поляну с недельным визитом в сентябре 1894 года, после чего бывал там многократно (1897, 1901, 1902). В промежутках состоял с Толстым в переписке, а в 1904 году, когда личного врача Толстого призвали на военную службу, жена писателя попросила Маковицкого быть их домашним врачом. Так он стал врачом Толстого в последние шесть лет жизни писателя; а также его другом и секретарем, безустанно записывая каждое слово мастера, как то делал Эккерманн у Гете (Goethe). Он обладал исключительным знанием языков: знал венгерский, чешский, польский, сербский, болгарский, английский и французский. Русскому языку он научился в Ясной Поляне, но вначале путал славянские слова, выражал себя „по-дунапски”, как говаривали члены толстовской семьи. Радужно принимал паломников-венгров, и тогда в многоязычной семье Толстого с удивлением вслушивались в чужие для них по звучанию угро-финского происхождения венгерские слова. В настоящей статье особое внимание обращается на венгерские стороны дневника, хорошо показывающие, что Маковицкий взял на себя и роль пропагандиста (посредника) венгерской культуры, о чем свидетельствует следующий отрывок из толстовского дневника:

„Разговаривал с Дунапом. Он сказал, что так как он несколько стал моим представителем в Венгрии, то как ему поступать? Я рад был случаю сказать ему и уяснить себе, что говорить о толстовстве, искать моего руководства, спрашивать моего решения вопросов – большая и грубая ошибка. Никакого толстовства и моего учения не было и нет,

есть одно вечное, всеобщее, всемирное учение истины, для меня, для нас особенно ясно выраженное в евангелиях".⁸

Читателям дневника ни на минуту нельзя забывать о том, что Толстой в последние годы отрицал художественную литературу (в том числе и свои книги тоже), его занимали в основном религиозные и общественные вопросы. Разговоры на венгерскую тему в основном происходили по двум темам: положение живущих в Австро-Венгрии наций и венгерская секта назаренов. В центре нравственной философии Толстого, как и в его художественном творчестве, всегда стояло желание сплочения людей и примирение народов. Поэтому он поддерживал все стремления, поощряющие создание религиозных общин, будь то духоборы, молокане или то же движение венгерских назаренов; и все это несмотря на то, что не признавал официальную Церковь. Вроисповедание назаренов нового времени было основано Самуэлем Фрëлихом (Samuel Fröhlich) в Швейцарии, откуда подмастерья привезли его с собой в Венгрию в 1839 году. У этого движения нет ни храмов, ни священников, и крещению у них подвергались только взрослые. Поскольку они противились присяге и запрещали ношение оружия, то постоянно вступали в столкновение со властями. Смотри об этом подробнее в брошюре Маковицкого о назаренах, которую он написал по поручению Толстого на основе венгерских источников.⁹ Кроме того Бонч Бруевич (Bonč-Brujevič, впоследствии секретарь Ленина) в издательстве Толстого („Посредник“) выпустил в 1905 году исследование о венгерских и сербских назаренах, имеющее ценность первоисточника.¹⁰ И, наконец, в работе Жигмонда Геренчера (Zsigmond Gerencsér) о связях Толстого с венгерскими назаренами.¹¹

Почему возникли в конце XIX и начале XX веков различные секты в Восточной Европе и что ими двигало? Прежде всего та обстановка, в которой развивающийся капитализм разрушал крестьянские общины. Религия предоставляла утешение душевной общности, когда действительная человеческая общность была невозможной. Многосемейную крестьянскую земельную общину восполняли неземная общность и нравственное учение „всобщей любви“. Поэтому крестьянская партия в Венгрии приняла идеи Толстого своей идеологией, поэтому сформировались в различных частях страны венгерские толстовские колонии, живу-

⁸ Л.Н. Толстой, *Собрание сочинений в 22 томах. Том 22.* Москва, 1985: 80–81.

⁹ Dušan Makovický, *Nazarénové v Uhrách.* Praha, 1896.

¹⁰ В.Д. Бонч-Бруевич, (В. Ольховский), *Назарены в Венгрии и Сербии. К истории сектанства.* Москва, 1905.

¹¹ Gerencsér Zsigmond, Tolsztoj, Škarvan, Makovický és a magyar nazarénusok. In: Vlagyimir Bonč-Brujevič, *Istenek törvénye.* Budapest, 1982.

щие в общинах и проповедующие древнехристианские идеи. Идеи Толстого нашли в них благодатную почву, потому как и они хотели разрушить общество без применения насилия, чтобы на его руинах построилось более справедливое христианское общество. Они также признавали, что безнравственная власть не может быть одолена путем насилия, она может быть сломлена только противостоянием без насилия. Как и Толстой, они зывали: „не противься нисилием злу”. 14 мая 1908 года Маковицкий записывает следующее в своем дневнике:

„Я рассказал Л.Н. про назарен, как они все страдают по тюрьмам до восьми-девяти лет и не поддаются. Сегодня написал мне про них Иосиф Грегор. Потом говорил про полученные вырезки из мадьярской газеты „Újság” о двух портных-евреях, сторонниках кропоткинського анархизма (его главный представитель в Венгрии – князь Эрвин Батьяни), приговоренных судом на 8 и 12 месяцев за переспечатание письма Шкарвана 1894 г. и его статьи „Почему нельзя быть военным врачом”” (3: 87).

А немногим позднее (3: 206):

„Посоветовал Л.Н-чу прочесть фельетон „Pester Lloyd” 8 September 1908: „Tolstoy's Stellung in Socialismus”. Л.Н. спросил в нерешимости, читать или нет:

– Он социалист?

– Вряд ли.

Л.Н. стал читать и приговаривал: „Сильно, очень интересно”” (3: 206).

Имре Ковач (Imre Kovács) в 1937 году написал книгу *Немая революция* о сектантах (за что был приговорен к трем месяцам тюремного заключения). Цитируем из этой книги:

„Последняя попытка обманутого и обреченного народа – мистический мир сект. Это революция, немая революция. В каждой деревне мы встретим верующих (сектантов). Сектанство свидетельствует о болезни общества. В западных странах оно выступает в виде сексуальных или психических aberrаций, и обычно означает отрыв от общества небольших групп людей, которые затем приспособляются соответственно своему особому жизненному укладу. Они неопасны. Восточные секты, в том числе и венгерские, означают для общественных классов возможность побега из отрезвляющего мира реалити в коллективный экстаз душевного освобождения... Кажется, что единственным лекарством от нищеты является крайнее отчаяние, после которого наступает полный нигилизм. Вос-

точные секты очень опасны. Их можно воспринимать как предвестниц революции".¹²

Другой, достаивающий внимания, венгерский контакт Толстого ведет к проповедовавшему принцип „безгосударственности” философу Енё Генрику Шмитту (Jenő Henrik Schmitt, 1851–1916), который в молодости учился в Вене. Из-за своих радикальных воззрений, которые распространял и в крестьянских кругах, он неоднократно подвергался судебным процессам за нарушение закона о печати. В своих газетах *Állam nélkül. Az idealisztikus anarchisták közlönye* [Без государства. Вестник идеалистических анархистов], издаваемой в Будапеште на венгерском и немецком языках, и *Erőszaknélküliség* [Без насилия] часто печатались сочинения Толстого. В это время Толстой хотел объединить в международную организацию европейских пацифистов и оппонентов государства как насильственной организации, поэтому с помощью посредничества Шкарвана (Škarvan) советовал Луису А. Бэхлеру (Louis A. Bächler), так же состоящему с ним в переписке, связаться с Енё Шмиттом. Он дал голландскому священнику будапештский адрес Шмитта. (Толстой не был знаком лично с венгерским философом, но его дочь Татьяна познакомилась с ним, проезжая через Будапешт.) В публицистическом сочинении Толстого *Рабство нашего времени* (1900) с признанием заявляется о деятельности венгерского философа-публициста:

„Немецкий писатель Евгений Шмит, издававший в Будапеште газету „Ohne Staat”, напечатал в ней глубоко верную и смелую не только по выражению, но и по мысли статью, в которой он доказывает, что правительство если и обеспечивает своим подданным известного рода безопасность, то поступает по отношению их совершенно так же, как поступал калабрийский разбойник, обложив податью всех тех, кто хотел безопасно ездить по дорогам. Шмит был предан суду за эту статью, но присяжные торжественно оправдали его, как и не могли иначе, признав несомненную истинность его мысли”.¹³

Кто посещал Ясную Поляну и о чем вел беседы Толстой в последние годы жизни? Поток русских и иностранных знаменитостей был неиссякаем: французский историк Леруа-Болье (Leroy-Beaulieu), бельгийский профессор и редактор газеты Шарль Саролеа (Charles Sarolea), японский писатель Токутоми, английский переводчик Толстого Эйльмер

¹² Kovács Imre, *A néma forradalom*. Budapest, 1937: 11.

¹³ Л.Н. Толстой, *Собрание сочинений в 20 томах. Том 16*. Москва, 1964: 517.

Моод (Aylmer Maude), врач-биолог и Нобелевский лауреат Илья Мечников, писатель и политик Томаш Масарик (Tomaš Masaryk, впоследствии один из основателей Чехословакии и президент страны), режиссер авангардистского театра Мейерхольд, писатели Леонид Андреев и Короленко, художники Нестеров и Репин, скульптор Паоло Трубецкой, пианисты Танеев, Гольденвейзер и Ваида Ландовская (Wanda Landowska). Среди них были и венгры: корреспондент газеты *Budapesti Hírlap* Густав Шерени (Gusztáv Serényi), юрист-международник Иштван Вальдхаузер (István Waldhauser), журналист Арпад Пастор (Árpád Pásztor) и другие. Достаточно было и паломников и безыменных нищих. Ежедневно почта приносила мешки с книгами, рукописями, письмами. Газеты и издательства обычно одолевали Толстого разнообразными анкетами. Например, один из вопросов венгерского журнала *Magyar Szó*, готовящего рождественский номер 1906 года, звучал так: „Заграница и венгерская культура”. Ответ Толстого Маковицкий передает с протокольной точностью:

„1 декабря. Вечер. Л.Н. разбирал почту, пришел ко мне в библиотеку с напечатанным немецким письмом и прочитал его вслух. Редакция будапештской газеты „Magyar Szó” (Л.Н. произнес „маджар” – и всегда так произносит) готовит анкету на тему: „Что думают самые выдающиеся умы Европы о венгерской культуре”.

– Ничего не думаю, – сказал как бы с удивлением Л.Н. – Понятия не имею, что собой представляет венгерская культура, – продолжал, глядя в письмо. – Кто же у них есть? – напомните мне?

– Наверняка вы знаете Йокай.

– Я пробовал читать, – пустое, романтическое. Он, кажется, много писал и недавно стариком умер.*

– У них был хороший поэт, автор баллад Арань. Потом широко известна „Трагедия человека” Мадача. Недавно она появилась в русском переводе, вы могли бы ее прочитать.

– Что она собой представляет?

– О чем мечтали и к чему стремились люди в разные исторические эпохи и во что их стремления обратились.

– Трагедия человека – даже самая мысль несущественна, несерьезна.** А художники?

– Был у них Зичи, придворный.

* В Яснополянской библиотеке хранится книга Мора Йокай. Мечта и жизнь. Пер. с венг. А.Б. Перельгиной. М., 1896.

** Мадач. Трагедия человечества. Спб., 1904 (рус. пер. в стихах: Madách. Az ember tragédiája).

– Но что же он?..

– Есть Корраи (?), натуралист, сатирик. – Дальше я не мог никого вспомнить.

Л.Н. спросил:

– А Холарек, он не причисляется к венгерцам?

– Нет, но из писателей и художников бóльшая часть славянского или немецкого происхождения. Лист родился в Венгрии, из немцев.

– По-видимому, в музыке у них еще кто-то есть. – После этого Л.Н. вернулся в комнату, где была семья и гости, и рассказал им: – Я почти ничего про их культуру не знаю, совсем не знаю. Если бы у них что-то было, я бы знал. – Потом стал перебирать малые нации, начав со шведов, что знает про их культуру, и дошел до португальцев и тут заметил, что про них тоже ничего не знает*** (2: 315).

Газета *Magyar Hirlap* в ноябрьской анкете 1908 года спрашивала: „Что вы знаете о Венгрии?”

„Л.Н. (мне): Получил письмо из Венгрии – спрашивают какой-то юбилей и спрашивают мое мнение о Венгрии. У меня никакого нет. Я ответил бы им – но некогда, – что меня интересует род человеческий, а не Венгрия.

Это газета „Magyar Hirlap” устраивает анкету в рождественском номере о Венгрии. Л.Н. написал на конверте, что хочет ответить, но раздумал. И ни Гусеву, ни мне не поручил ответить.

*** По воспоминаниям добавляю через семь лет (...): После я вспомнил Мадача и Петёфи, которых и Л.Н. вспомнил. Потом я говорил об Аране, Ваше Геребене, Жигмонде Юсте, Тёмёркене (о последних двух – как пишущих о назаренах) и Гергеле Чики (?), о которых Л.Н. ничего не знал, но поинтересовался, переспрашивал о них. Я вкратце рассказал о появлении мадьяр на среднем Дунае, о их происхождении, о быте мадьярского народа (крестьян), его приятных свойствах; о шляхте и интеллигенции, недалёковидных и отчужденных от народа. Вспомнил о многочисленном клане безземельных батраков среди мадьярских крестьян; о социалистическом движении среди них и о суровом подавлении его; о назаренском движении; о том, что в сейме нет ни одного представителя мадьярских крестьян (последнее не верилось Л.Н-чу). Л.Н-ча больше всего интересовал быт мадьярского народа, народная мудрость (половицы, сказки); спрашивал про песни, музыку, пляски. Спросил, есть ли (живы ли) христианские легенды у них, на что я не мог ответить. Узнав, что я ходил в мадьярскую гимназию, спросил о мадьярском языке и просил произнести что-нибудь. Я прочел стихотворение Петёфи „Falú végén kurta kocsmá”, переведя по-русски. Еще говорили о слиянии мадьярской интеллигенции с омадьярившимися представителями других народов. Л.Н., кончив расспрос, продолжал обдумывать вопрос, ему столь интересный, – культура, цивилизация. Я ждал, что продиктует ответ. Но Л.Н. не ответил в тот день, а следующий день принес свои заботы, и Л.Н. больше не вспоминал об анкете.

Пополудни, в час, Л.Н. позвал меня в кабинет и расспрашивал о Венгрии, чем она выдается. Я рассказал об Арани, в поэзии выразившем просто и верно душу мадьярского народа, как Пушкин – русского. Только стремления мадьярского народа не такие глубокие, христианские, как русского. Про назаренов; про характерный гимн мадьярский, в котором выражены желания мадьяр (правда, дворян-патриотов); про три места в сочинениях Л.Н., где он касается Венгрии: о музыке (чардашах) в „Что такое искусство?"; об Эмме в „Воскресении" и об угнетении народов в Венгрии в двух политических произведениях Л.Н.-ча. Л.Н. мои рассказы о мадьярах не удовлетворили и не заинтересовали. Только то ему было приятно, что среди них есть назарены" (3: 247).

Какой старческий портрет Толстого прорисовывается из этих мозаично составленных дневниковых отрывков: чрезвычайно противоречивый, каковым и был Толстой во всей своей жизни. Это и естественно, поскольку, по его мнению, жизнь человека походит на изменчивость реки, которая от истока до устья называется одним именем и все же нет двух полностью одинаковых мест на ее протяжении. Такую же „текучесть" представляет собой и человеческий характер, то есть „один и тот же, то злодей, то ангел, то мудрец, то идиот, то силач, то бессильнейшее существо. [...] Человек течет, и в нем есть все возможности: был глуп, стал умен, был зол, стал добр, и наоборот. В этом величие человека".¹⁴ Биографы и мемуаристы-хроникеры часто предупреждают читателей: не надо слепо верить толстовским записям, исповедям, дневникам и воспоминаниям о нем, потому что в своей откровенности он часто пишет и говорит только тенями. Читатель мемуаров часто ощущает, что окружение Толстого отличалось от него самого, но это не так: видимость эта возникает от того только, что совестливость и самопознание Толстого более требовательны, чем окружающих его людей в прямом, полном значении этих слов.

Творчество этого всем интересующегося универсального гения составило 90 томов (3000 печатных листов или 50000 страниц). С этим можно сопоставить разве только 43-томное веймарское издание Гете. Экстенсивности творчества соответствует захватывающая интенсивность. Такую глубину познания человека и такую ширину мировоззрения можно было встретить до того времени только у религиозных богословов. Еще никому не удалось вывести единую формулу сущности толстовского универсума: вся занимающаяся Толстым литература представляет всего лишь моментальный снимок. Дежё Костолани (Dezso Kosztolányi) писал в

¹⁴ Л.Н. Толстой, *Собрание сочинений в 22 томах. Том 22.* Москва, 1985: 84-85.

1928 году: „Мне надо писать о Льве Николаевиче Толстом, который сто лет назад родился в Ясной Поляне. Только одну статью. Словно мне говорили бы: „Скажи что-нибудь о Вселенной, но коротко и сжато””.¹⁵ К сожалению, кроме русского на других языках до сего времени появилась ничтожная часть из 30-томного эпистолярного наследия (около 10000 писем) и 17-томного дневника, являющихся достоверным отражением внутридушевного развития Толстого. Это гораздо меньше необходимого для того, чтобы читатель получил истинное представление о Толстом, и понял его. Поэтому суждение о Толстом иногда противоположно прямолинейному: „Я вижу в нем человека, отдельного от писателя и пророка” (Костолани (Kosztolányi)). „Человека мы не понимаем, писателя – да” (Страконицкий (Sztrakoniczky)).¹⁶ Оба мнения датируется 1910 годом, годом смерти Толстого.

Раскрытие секрета толстовского универсального гения не удалось и Душану Маковицкому в его дневнике объемом более 200 печатных листов. Протокольная лапидарность его записей отражает ежедневные события. В дневнике рядом друг с другом выстраиваются эпохальные события (русско-японская война, революция 1905 года и т.п.) и подробности будничной жизни толстовского дома; причем автор отнюдь не страдает болезнью карликов, которые постоянно суют нос в физиологические подробности жизни гигантов духа.

Недавно была отмечена девяностая годовщина смерти Толстого. Справедливости ради нам надо бы рассчитаться перед ним с долгами: перевести или заново перевести и издать его дневники, письма, религиозные и публицистические сочинения, появившиеся на сегодня только порусски (*В чем моя вера? О веротерпимости. О жизни. Круг чтения. На каждый день* и т.п.), которые Толстой ценил порою больше своих художественных произведений. Вспомним слова лауреата Нобелевской премии биолога Мечникова, посетившего в 1909 году Ясную Поляну: „И Лев Николаевич сказал, что они то [художественные произведения], что паяц на наружной эстраде перед балаганом: привлекают внимание к настоящей его деятельности, к религиозно-нравственному учению” (3: 423).

Сегодня вокруг Толстого тишина. Отчасти она была нарушена выходом в свет на венгерском языке избранного дневника Маковицкого, являющегося органической частью богатой мемуарной литературы о Толстом.¹⁷

¹⁵ Kosztolányi Dezső, Tolsztoj. In: *Költő és próféta. A magyar sajtó Tolsztojról.* Vál., szerk.: Osztovits Ágnes. Budapest, 1978: 341.

¹⁶ Sztrakoniczky Károly, Tolsztoj. In: *Költő és próféta. A magyar sajtó Tolsztojról.* Vál., szerk.: Osztovits Ágnes. Budapest, 1978: 257.

¹⁷ *Tolsztojnál Jasznaja Poljanában. Dušan Makovický naplója.* Válogatta, fordította és jegyzetekkel ellátta: Gerencsér Zsigmond. Budapest, 1999, 515 p.